

<sup>27</sup> Кузнецов Е.В. Сибирский летописец. С. 101.

<sup>28</sup> Вкладные книги Далмаговского Успенского монастыря. (Последняя четверть XVII – начало XVIII в.). Сб. док. / Сост. И.Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 107.

<sup>29</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1058. Л. 16; см. также: Шаилов А. Т. «Путное шествие» митрополита Игнатия Римского-Корсакова по Сибирской епархии в конце XVII в.: планы и реальность // Русские старожилы: Мат-лы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 337–339.

<sup>30</sup> Журавель О.Д. Житие... С. 91.

<sup>31</sup> Там же. С. 89.

<sup>32</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1058. Л. 16.

<sup>33</sup> Журавель О.Д. Житие... С. 75–76.

<sup>34</sup> Байдин В.И. Святой Симеон Верхотурский – реальный человек: жизнь, житийная легенда, почитание // Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998. С. 117.

<sup>35</sup> РГИА. Ф. 796. Оп. 107. 1826 г. Д. 812.

<sup>36</sup> Байдин В.И. Святой Симеон Верхотурский... С. 117.

<sup>37</sup> Там же.

<sup>38</sup> РБС. М., 1914. Т. 4: Гааг – Гербель. С. 43.

<sup>39</sup> Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря (Екатеринбургской епархии) в связи с историческим сказанием о житии св. праведного Симеона Верхотурского Чудотворца. [Верхотурье], 1991. С. 135.

Л.Н. Суслова

### НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ГАВРИЛЕ МОРОКЕ, КРЕСТЬЯНСКОМ РУКОВОДИТЕЛЕ ЗАУРАЛЬСКИХ СТАРОВЕРОВ-ПОПОВЦЕВ СЕРЕДИНЫ XVIII в.

Последовавшие в начале 50-х гг. XVIII в. жестокие противораскольнические гонения тобольского митрополита Сильвестра Гловатского привели к аресту многих авторитетных старообрядческих руководителей. В числе прочих в апреле 1750 г. был арестован и доставлен в Тобольск беглый поп Семен Васильев Ключарев (Вятский), глава тайного старообрядческого прихода в Зауралье, утвержденный на Ирюмском соборе софонтиевцев еще в 1723 г. В сентябре 1750 г. в Тобольской духовной консистории было решено лишить его священства как не отставшего от «раскольнической прелести» и «во знак того чина лишения остричь ему на голове и бороде волосы». Затем предписано

было отослать его «к публичному с вырезанием ноздрей кнутом наказанию в гражданский суд» и отправить «в отдаленные Аргунские заводы в вечную каторжную работу». Но, в связи с затянувшимся расследованием, этого сделано не было. С 1753 г. С. Ключарев, присланный из Сибирской губернской канцелярии для «увещеваний» в консисторию, содержался в одной из тюремных камер Тобольского архиерейского дома вплоть до 18 января 1757 г., когда, после семилетнего заключения, он умер от голода. Тело старообрядческого священника было зарыто профосами в землю в отдаленном «от града близ Иртыша рву» 21 января 1757 г. без отпевания<sup>1</sup>.

Среди арестованных по этому делу старообрядцев был и беглый поп Гаврила Яковлев сын Селменских – духовный сын и последователь Семена Ключарева, объединивший под своим началом староверов-поповцев слобод Орлова городища (дер. Шешуковой, Каргалинской, Отжаковой), Викуловой (дер. Ташаирской, Петровой, Сартырской, Ореховой, Малышевой, Илюлюнской, Басаргульской), Абацкой (дер. Кокуйской, Загановой) и Коркиной (дер. Тушнолобовой, Серебренниковой, Максимовой) Ишимского дистрикта и имевший характерное прозвище «Морока» или «Морок», которое он получил за редкостное умение устраивать разнообразные «чудеса» и таинственные видения<sup>2</sup>. К моменту своего ареста в апреле 1750 г. в скиту за дер. Шешуковой он уже целых восемнадцать лет руководил обширным тайным старообрядческим приходом. Мучительные пытки и допросы не сломили Гаврилу Селменских. Он решительно отказался отстать от раскола и восемь лет содержался в тобольской тюрьме, а затем, с осени 1758 г., – в Екатеринбурге<sup>3</sup>.

В ходе исследования материалов фонда Тобольской духовной консистории (ф. 156), хранящегося в ТФ ГАТО, нами было выявлено дело «О приведенном города Тобольска крыющемся раскольнике Иване Андрееве сыне Шешукове», позволившее установить обстоятельства и точную дату смерти Г. Селменских<sup>4</sup>.

В феврале 1759 г. священник тобольской Христорождественской церкви Адриан Пеунов, диакон Никита Вахрушев и дьячки Василий Мефодиев и Иван Тетюцкий обнаружили живущего у посадского Стефана Иванова сына Ростовцева «в укрывательстве в потаенной за жилими хоромами в огороде избе неведомого... человека, который в церковь святую никогда при нас не прихаживал». Неизвестный назвался Иваном Андреевым сыном Шешуковым, «у коего по осмотру... оказались старопечатные книги, и многие писмянные тетрадки, и книжки, в ящике кадило медное, и писма разные, и несколько свечь воощеных, которое все забрав без остатку», вместе с самим Шешуковым, заподозренным в

приверженности к расколу, доставили в Тобольскую консисторию. 22 февраля 1759 г. от митрополита Павла Конюсевича последовало распоряжение: «Приведенного допросить о природе помяновения и о вере, а книги и помянники переписать, чьи имена и род, и как давно он то помяновение начал чинить, и сии помянники требовать присылки, о ком надлежит, и по тому ж со увещанием допрашивать»<sup>5</sup>.

В тот же день в консистории допросили арестованного. Он назвался тобольским ямщиком и показал, что «...от рождения себе имеет семьдесят пять лет, родился здесь, в городе Тоболску. Отец ево, Андрей Гаврилов сын Шешуков, был здешней Сибирской Губернской Канцелярии справным подьячим, которой и умре здесь же, в городе Тоболску, назад тому близ двадцати лет.... По рождении молитвен и крещен он, Иван, православным тобольской градской Спаской церкви священником, а имени и прозвания не упомнит...». Семья И. Шешукова жила в разных приходах г. Тобольска: сначала в Спасском, затем, «после бывшего в городе Тоболску прежнего пожара» – в Христорождественском, откуда перешла в приход Апостолаодреевской церкви, где жила «своим двором... немало годов». А два года назад овдовевший Шешуков вновь перешел в Христорождественский приход, «к сыну своему большему, посадскому Степану Иванову Ростовцеву, у которого и жил по нынешнее его взятье в особой построенной на огороде избе... для домашнего утеснения такого... что безпрестанно бывают в доме ... сына ево... приезжие люди...». Дети Шешукова, Степан и Михаил, «пишутся Ростовцевыми, а не Шешуковыми потому, что в прежнюю князя Сонцова Засекина перепись оказался он, Шешуков, неведомо каким случаем в прописке, чего для они в тое перепись... написаны в посад по ... дяде своем, посадском Иване Ростовцеве; с той переписи так и пишутся поныне. А он, Шешуков, в Тобольской ям записался уже в недавно прошедшую ревизию...». Грамоте Шешуков был обучен «бывшим здешней Тобольской Архангелской церкви священником Петром Васильевым, а писать, кроме скорописи, полууставом [обучен] Екатеринбургского ведомства Катайского острогу жителем Иваном Пушкиным...». Хотя Шешуков на допросе показал, что «расколу за собой никакого не имеет», вскоре выяснилось, что он «крестное на себе знамение воображал двоеперстным сложением доныне (чему научен с седмилетнего возраста дедом своим, бывшим Тобольскаго Святотроицкого Собора протопопом Иосифом Прокопьевым)». На первом же допросе, «по увещанию Его Преосвященства и духовной консистории присутствующих», Шешуков поспешил «отстать» от «двоеперстного на крестовоображение сложения» и прочих «раскольнических заблуждений» и пожелал быть «до скончания жизни сво-

ея» в официальном православии. Помимо этого, Шешуков клятвенно заверил консисторию в том, что «никаких церковных священническому чину принадлежащих треб отправлять не дерзал, кроме того, что читал толко здесь, в городе Тоболску, в домах разных чинов у обывателей, а ино и в доме своем по прозбе их за плату по умерших псалтири, каноны, и поминальники, которые по приносе тех обывателей и держал в доме своем для поминовения тех умерших в субботные дни...». Поминовением умерших Шешуков занимался уже около сорока лет, за что «получал себе для пропитания подаемой от денег платы по одной копейке, а от чтения чрез čtyредесятичное время псалтырей – копеек по седмидесят и по восмидесят, а от канонов по единомумершем чрез тож čtyредесятичное время – от каждого дому по десяти копеек». Об этом были осведомлены «находящиеся при Христорождественнской и Апостолоандреевской церквах священники Мефодий Яковлев и Иван Данилов... и в том не толко ему запрещение не чинили, но к тому еще и дозволение давали, точию за тое дозволение никакой от него, Шешукова, себе в корысть платы они, священники, не получали...»<sup>6</sup>.

Таким образом, на первом же допросе выяснилось, что в руки консистории попал тайный тобольский старообрядец, не значившийся «в приходских священнических росписях», умевший писать скорописью и почитаемым у староверов полууставом и в течение сорока лет тайно исполнявший некоторые требы для тобольских обывателей. Только этого уже было достаточно для проведения розыска.

Во время обыска у Шешукова были найдены десять старопечатных и рукописных богослужебных книг<sup>7</sup>, шесть писем, «поминовенные» книжки на сто десять человек<sup>8</sup>, более ста штук восковых свечей и «огарков»<sup>9</sup>, четыре образа святых<sup>10</sup> и медная кадильница. Шешуков объяснил их появление так: «Книги псалтири, две старопечатные, одна з заглавием, печатана в прошлом 7160 (1652. – Л. С.) году, другая ветхая, без заглавия, остались у него, Шешукова, от ... отца его, третья, без заглавия, новоисправной печати, куплена им, Шешуковым, назад тому третей год у переплетчика Сибирской Губернской Канцелярии Григорья Алексеева сына Карачинцова за рубль за дватцать копеек; канонники писменные куплены им... в Тоболску в нынешнем 1759-м году в генваря последних числах, у приезжаго из города Тюмени жителя, а какого он чина и как ему имя и прозвание – не знает, ценою за дватцать за пять копеек; молитвенник писмянной же писан полууставом в давных годех самим им...», а поминальники по умершим, которые были «сысканы» у него, «разных чинов города Тоболска и подгородных деревень обыватели для поминовения умерших родственников их приносили к нему сами, с таковою

прозбою, чтоб они до церкви для поминовения тех поминальников при-  
нести иные не успели, а иные якобы священников в церкви за умедле-  
нием получить не могли; а сам он тех поминальников подлинно не соби-  
рал». Свечи восковые Шешуков держал при себе для чтения по умершим  
«псалтирей, канонов и поминальников, которые сканы ис покупного им  
воску внукою ево, а показанного сына Степана Ростовцева дочерью,  
девицею Вассою; толко в народ оных не продавали, а иные приношены  
были к чтению псалтырей и из обывательских домов...»<sup>11</sup>.

Внимание консистории сразу привлекли бумаги, найденные у Ше-  
шукова. Из шести писем, четыре были адресованы содержавшемуся  
под стражей старообрядческому попу Гавриле Селменских (Мороке), о  
котором следует рассказать подробнее.

Г. Селменских родился в 1695 г. в дер. Есюпинской Уфтымской  
волости Устюжской провинции, в семье государственных крестьян. Отец  
его, Яков Селменских, в 1706 г. «от хлебной скудности» перевез семью  
в Каменские уральские заводы, где вскоре, в 1710 г., был убит «в шатость  
воров башкирцов». Здесь Гаврила и начал свою духовную карьеру. В  
1722 г. он был определен пономарем в Троицкую церковь Катайского  
острога Екатеринбургского ведомства. Через пять лет Г. Селменских  
стал дьячком при церкви Всемиловитового Спаса в с. Куларовском. В  
1729 г., «за скудностью при той церкви приходу», Гаврила переселился  
в Коркину слободу Ишимского дистрикта, где пожелал быть вторым  
священником при церкви св. Николая Чудотворца. Заручившись пись-  
менным согласием прихожан, Селменских поехал в Тобольск, где митро-  
полит Антоний Стаховский рукоположил его в сан. Но через два года  
Гаврила вместе с другими старообрядцами бежал в соседние леса и  
вскоре стал послушником Семена Ключарева. Софрониевская практика  
принятия беглых попов, утвержденная на Ирюмском соборе 1723 г., от-  
разилась и на судьбе Гаврилы Селменских. Процедура бегства из «нико-  
нианской» церкви была тщательно спланирована и хорошо организо-  
вана. Разночинец Коркиной слободы Петр Логинов сын Серебренников  
переправил Мороку на оз. Черемховое, где в сорока верстах от дома он  
скрывался около полугода. В ноябре 1731 г. крестьянин-старообрядец  
дер. Бердюгиной Емуртлинской слободы Ялutorовского дистрикта Гри-  
горий Бердюгин «вывез его к себе», где указал дальнейший путь – в д.  
Распаху Уткинского Демидовского завода, к старообрядческому попу  
Семену Васильеву Ключареву «для исповеди». Около года Гаврила Мо-  
рока провел в тайных убежищах своего учителя в «демидовских лесах»  
и в особой избе у крестьянина Якова Емельянова, жителя дер. Сала-  
матовой Исетского острога. С благословения С. Ключарева он создал

свой собственный тайный старообрядческий приход и скитский центр в ишимских лесах<sup>12</sup>. После ареста в апреле 1750 г., а также долгих допросов и мучительных пыток, консистория, так и не добившись раскаяния из уст Мороки, несколько лет содержала его в заточении.

Но вернемся к находящемуся в консистории Шешукову, которого продолжали расспрашивать здесь «по довольном увещании для изыскания о том самая истины, с пристрастием, под плетьюми». Это свидетельствовало об исключительной встревоженности духовного начальства, усмотревшего в обнаруженных у него письмах готовящийся побег опасного «лжеучителя», а также получившего удачную возможность подввергнуть Мороку новому «розыску» в надежде обнаружить его связи с сибирскими староверами, не выявленные во время предыдущего следствия.

На допросе Шешуков признался, что «три писма к попу Гаврилу Яковлеву, которой содержится под караулом в тюрьме, писал он, Шешуков, в прошлом 1758 году в Великий пост, пред неделю святых Пасхи, по такому случаю: пришед к нему Ишимского дистрикта крестьянин, а которой слободы, села или деревни, как его имя и чей прозванием – того не знает, и с собою принес к нему, Шешукову, писма, писанные скорописью, кои можно было ему прочесть, а в тех принесенных писмах написаны были мужескому и женскому полу имяна, о которых ныне сказать он, Шешуков, не упомнит, причем просил ево, Шешукова, чтоб с тех принесенных писем с прописанием во оных имян написать к показанному содержащемуся попу Гаврилу Яковлеву писма в такой силе, чтоб за содержанием ево, Яковлева, под арестом написанных во оных писмах духовных детей от наложенных от него, попа Яковлева, епитемий дозволил разрешение учинить ему, Шешукову. И по той оногo крестьянина... прозбе, с намерением тем, чтоб ему, Шешукову, в тое должность вступить, к показанному попу Яковлеву хотя и писал, но точию в тож время то свое намерение от того отменил, и тех писем к нему, Яковлеву, не отослал, а держал их у себя поныне, и более о таком разрешении не писал, и никому в том разрешение не чинил, и как рожденных младенцев не молитвил и не крестил, так болящих не исповедывал и не причащал, умерших не погребал, и брачащихся никого он, Шешуков, не венчивал. Знания и сообщения никакого с ним, Яковлевым, он, Шешуков, не имел и ныне не имеет...»<sup>13</sup>.

Но уже 5 марта 1759 г., «по увещанию» самого тобольского митрополита Павла «в келии его преосвященства», Шешуков признался в том, что «в прошлом 1758-м году у содержащегося здесь в Тоболску в тюрьме раскольнического попа Гаврила Яковлева, называемого Морока, он же

и растрига был, и как ему, растриге, так и протчим содержащимся колодникам, которых было человек до десяти, милостину подавал, которая послана была для подачи тому попу и протчим здешней подгородной Сузгунской деревни от жителя Ивана Яковлева, и при подаче ему, Мороку, милотины спрашивался он, Шешуков, у него, Морока, чтоб ему, Шешукову, детей ево, Морока, духовных грехи переписать и от наложенных им, Мороком, епитемий разрешение чинить приказал. На что ему, Шешукову, он, Морок, тем духовным своим детям имена и грехи их переписать приказывал и велел для разрешения принести и подать себе, и притом де ему, Шешукову, он, Морок, говорил: ежель де имена детям ево духовным, также и грехов их он, Шешуков, не перепишет и к ему, Мороку, не подаст, то де грехи будут на души ево, Шешукова; по которому ево, Морока, приказанию детям ево духовным имена он, Шешуков, и переписал, токмо оные ему, Мороку, не относил и никакого от грехов детям ево, Морока, духовным разрешения не чинил». Этих показаний Шешуков придерживался и на допросе, проведенном в консистории 15 апреля<sup>14</sup>.

Не прекращая допрашивать И. Шешукова, консистория, получив подтверждение того, что Гаврила Селменских, даже будучи в заточении, наставляет своих прихожан через «писмянную... пересылку и сообщение... о греховных падежах и о протчем», в соответствии с указанием тобольского митрополита от 23 февраля 1759 г. потребовала от караульных офицеров Сибирской губернской канцелярии провести тщательный обыск в камере Мороки в присутствии консисторского канцеляриста<sup>15</sup>. Однако из справки губернской канцелярии выяснилось, что еще 4 ноября 1758 г. «раскольниковский поп» Г. Селменских «по учинении ему в силу указов и прав государственных за злодейственное и богопротивное ево на четвероконечный крест и троекратное крестовоображения сложение и Церковь Святую ругательство, по учинении ему трех розысков, что он от раскольниковского заблуждения обратитца до скончания жизни своей не желает и в той своей замерзлости намерен умереть, дабы он в Тоболску праздно в содержании не был, в силу 737 году марта 2 дня ...Синода указу для содержания под караулом в тыну и употребления в работу отослан в Екатеринбург, в Канцелярию Главного правления Сибирских Казанских и Оренбургских заводов...»<sup>16</sup>.

Из Тобольска был сделан запрос в Екатеринбург. И уже 28 апреля 1759 г. протопоп Екатеринбургского духовного правления Ф. Кочнев сообщил в консисторию, что вместе с капитаном Семеном Метелиным, прибывшим из Канцелярии Главного правления заводов, он 16 апреля побывал в «Зарешном тыну» (речь идет о Мельковском остроге, где с

1737 г., со времен В.Н. Татищева, содержались наиболее упорные раскольники) и провел у «ростриги» Морока обыск, «точию никаких писем и тетрадей и книг не явилось»<sup>17</sup>.

Тогда консистория затребовала Мороку в Тобольск для проведения нового розыска. Одновременно с этим продолжались и допросы Шешукова.

Пытаясь запутать следствие, Шешуков четырежды давал разные показания. Так, в марте 1759 г. он объявил в письме на имя архиерея о том, что «прошлого 758 году, месяца марта шестаго числа, приходила ко мне вдова Евдокея Трофимова дочь со Старицы деревни, вверх по Иртышу, в межах с Кудриными, ямщика Андрея Стефанова Кузнецова мать, стала говорить: Иван Андреевич, послушай, пожалуй меня, поди на гору в тюрьму, подай милостины, калачей всем по копейке, а я пойду по багаделнам подам. А я послушал сию вдову, пошел в тюрьму, как и люди всякия подают, гороцкия и деревенския, и пришел к тюрьме, еще впервые не бывал, а когда и зайду – под окно подам. И пришел в ограду тюремную, в ограде два переруба, и не знаю, в которой ийти. И прилучился салдат караулной и указал, и я пришел в избу рестанску, стал подавать всем калачей по силе, по копейке. И в то время были салдаты заключены, неволники, и подал всем им по силе, и в то время были слобочкия люди, и не спрашивал и не знаю, которыхы слободы, и у них в железах были двое грамотных, и слобочкия люди стали говорить, одново нарекли священником Гаврилом, и другому також де кланяютца. И я... подашел... и слобочкия стали говорить: отец Гаврило Яковлевич, скажи нам, лзя ли грехи писать, а после священнику подать? И стал Гавриило им говорити: которыхы на пустых местех живут и друг другу каетца, или везде и где священника нет, а после прилучится священник и скажет, а не скажет, то грехи ево и задавят веки. Туто я, и салдаты [и] заключенныя стоят, и еще спрашивать стали: отец Яковлевич, скажи нам, как многия грехи у человека, как их избыти? Глаголет им Гаврило Яковлев: постом и молитвою, и священным молением и слезами. И я, грешной человек, толко и спросил: отец Яковлевич, скажи мне, как которы человек станет праситца к человеку или ко мне на исповеть, лзя ли исповедать? И глаголет Гавриил сын Яковлев: простецу разве нужды ради, а после подаст или скажет и священнику. А священник не прилучится, дак и пагибнет з грехами и веки...»<sup>18</sup>. Таким образом, Шешуков признался, что приходил к Мороку в тюрьму «для подачи милотины» и просил у него дозволить его духовным детям приходить к нему, Шешукову, на исповедь.

Между тем консистория потребовала от губернской канцелярии,



Тобольского яма, Знаменского монастыря, губернского магистрата, «подгородной управительской канцелярии» и гарнизонной канцелярии прислать всех лиц, перечисленных в найденных у Шешукова «поминовенных книжках», для допросов и очных ставок<sup>19</sup>. Из ста десяти человек, на имена которых Шешуковым были заведены поминальные книжки, были разысканы лишь двенадцать. Доставленные в консисторию, они содержались под караулом во время следствия в течение марта 1759 г. Никто из опрошенных по этому делу, как оказалось, Шешукову «ничего не даывал». Большинство из них, по их словам, даже не были знакомы с колодником. И лишь четверо (тобольские ямщики Степан Горохов и Авдей Балин, «состоящий в подряде на почтовых по Тарскому тракту станциях», посадские Тимофей Никонов сын Оконнишников и вдова Евдокия Иванова жена Киргизова) показали на допросах, что знали Шешукова, поскольку жили с ним в одном приходе. Результаты допросов и очных ставок не подтвердили и принадлежность этих лиц к расколу, что снимало с Шешукова обвинение в распространении «лжеучения»<sup>20</sup>.

9 июля 1759 г. Канцелярия Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов отправила в Тобольск «раскольнического лжеучителя Морока», «заковав в крепкие кандалы», под караулом «екатеринбургской второй роты» каптенармуса Степана Посохова и капрала Степана Морозова «с товарищи». Транспортировка старообрядческого священника была обставлена с особой тщательностью во избежание возможного побега. 9 сентября 1759 г. Морок был привезен в Тобольск. Доставка и прием заключенного была зафиксирована представителями обеих сторон. Со стороны консистории в приеме расписался протоиерей Василий Русанович, «за скрепою» приказного надзирателя канцеляриста Платона Чекунова и «за справою» канцеляриста Емельяна Кожевникова. Принял расписку капрал Степан Морозов<sup>21</sup>.

Консистория принимала все необходимые меры предосторожности и в Тобольске. Гаврилу Селменских поместили в архиерейском доме. При этом консисторские сторожа Семен Кремлев и Иван Меркурьев, а также «разсылщики» Михайло Федосеев, Михайло Холшевников, Иван Ушаров и Степан Кремлев, дали подписки в том, чтобы над содержащимся под караулом «раскольническом лжеучителем, растрогом Гаврилом Яковлевым Мороком, имели крепкое смотрение и наблюдательство, дабы он, Морок, из дому архиерейского из-под караула не мог учинить утечки, також и не имел при себе чем мог себя уязвить остраго орудия, и никого к нему неточию до разговоров, но и видетца не допускать, и в том карауле будучи, им, сторожам, также и разсылщикам не пьянствовать отнюдь. А когда они, сторожи и разсылщики, с своей седмицы будут

сменялся, то б друг другу в смотрение ево, Морока, здавали со всяким осмотрением и осторожностью, и имеющиеся на нем кандалы почасту осматривать и каждодневно об нем, Мороке, при собрании духовной консистории господ присутствующих репортовать. А ежель от нерачительного их ...смотрения он, Морок, куда-либо из дому архиерейского тайно збежит или же каким-либо орудием себя повредит, за то с ними поступлено будет по силе государственных прав и указов без всякого упущения...»<sup>22</sup>.

6 октября 1759 г. консисторские чиновники приступили к допросам Морока, который сообщил, что «показанного тобольского жителя Ивана Андреева сына Шешукова знает, потому когда он, Морок, по расколническим делам содержался здесь, в городе Тоболску, в прошлом 1757 году с протчими колодниками в тюрьме, то означенной Шешуков того году в летнее время, а в котором месяце – того неупомнит, приходил к нему, Мороку, в тюрьму двоекратно для подачи от себя денгами милостины, которых приносил копейки по три. И при том ево... в первой раз приходе подал он, Шешуков, ему, Мороку, своеручно писанное им, Шешуковым, письмо незапечатанное, которое, по подаче приняв, он, Морок, прочитал, и в том письме написаны были ево, Шешукова, грехи, о которых просил тем письмом от него, Морока, по духовенству разрешения. И по той ево прозбе, что те ево, Шешукова, грехи им, Мороком, разрешены, и чтоб он исправился, и своеручное письмо он, Морок, ему дал. При том же ево, Морока, он, Шешуков, чтоб ему позволено было, ежель кто будет к нему, Шешукову, приходить на исповедь, разрешение от наложенных епитемий чинить дать дозволение, хотя и просил, толко он, Морок, ему, Шешукову, такого дозволения не дал. Знания с ним, Шешуковым, напред того никакого он, Морок, не имел. Да и иметь было нельзя, потому что по поимке ево содержался всегда в тюрьме под крепким караулом, а с чего он, Шешуков, к нему приходил – не знает. И от него о том не спрашивал. Кроме ево, Шешукова, к нему, Мороку, как из домашних ево, так и из посторонних, во исповедь никто не прихаживал. И в доме у него, Шешукова, никогда не бывал. Также и из содержащихся в тюрьме колодников никого не исповедовал и не причащал, и для поминовения по преставившихся как псалтирей, канонов, так и поминанных тетраток к нему, Мороку, никто не принашивал. Положенные в книге Кормчей (которая у него напред сего в содержании имелась) правила простолюдином священная дерзать действовать запретительныя он, Морок, хотя и ведает, толко оное разрешение показанному Шешукову учинил в нарушение правил святых с продерзости своей для склонения к расколническому заблуждению. Других таковых же в разрешении

писанных по имяном писем, как от мужескаго, так и от женскаго пола, более он, Шешуков, и никто к нему, Мороку, не принашивали. Будучи в Екатеринбурге в содержании под караулом в тюрьме, для подачи милостины тамошней записной расколник Сергей Ряхин неоднократно к нему, Мороку, прихаживал и милостину подавал, а при посылке ево, Морока, ныне в Тоболск в дом ево, Ряхина, и сам он, Морок, для взятъя на съезд себе до Тоболска купленной телеги был, толко треб никаких по расколническому суеверию не отправлял. Расколнических лжеучителей и лжечернцов и к сожигателству подговорщиков никого не видал, и в укрывателстве живущих незнает. От расколнического заблуждения к церкви святых обратитца он, Морок, не желает. А состоит в том до скончания жизни своея. И в том во всем утверждается под наижесточайшим истязанием. При подаче же тоя им, Шешуковым, милостины он, Шешуков, чтоб ево, Морока, детей духовных грехи переписать и от наложенных им, Мороком, епитимий разрешение чинить приказал бы ему, Шешукову, и на спрос ево, Шешукова, якобы такой который де человек станет просится к человеку или к нему, Шешукову, на исповедь, лзя ли де исповедать, у него, Морока, не спрашивался. И таких речей, что простецу де разве нужды ради, а после де подаст или скажет священнику, а священник де не прилучится, так и погибнет з грехами вовеки, ему, Шешукову, и никому не говаривал. Да и говорить де ему, Мороку, было не для чего, потому что у него, Морока, кроме тех, которые с ним прежде в расколническом ските были, других духовных детей никого не имеется»<sup>23</sup>.

Таким образом, в дополнение к показаниям Шешукова Морока сообщил, что Шешуков приходил к нему летом 1757 г. дважды, а на просьбу Шешукова стать его заменой он ответил отказом, т.е. не дал разрешения отменять наложенные им ранее на ишимских старообрядцев епитимии.

В тот же день (6 октября) Шешуков написал на имя тобольского архиерея «покорнейшее доношение», в котором сообщал, что «...от древней моей старости уже едва ходить могу, и весма у меня, нижайшаго, ноги стерло, ходить и стоять не могу, древен и худ, и мочию моею немощен, и портов на себе не могу носить, и в глубокой моей и в древней старости пребываю. Обещался я, нижайший раб ваш, штобы быть при монастыре Знамения Богородицы пребывати, и здоров был и мочию моею владел, и, прошед время, сего года Великаго поста, немок лежал в скорбе, приходил вашего преосвященства дому священноиеромонах Авраамий и исповедал меня грешнаго. С тово времени худ и трухав, и не могу мочию моею, и сам себе не рад, при старости моей зделалось надо мною, а за собою никакова расколу не имею, во исповедании и

тайн Христовых причащаться жалаю, и впредь будушо время неотложно отсем прошу вашего архипастырского милостиваго рассмотрения: из железа свободить, железа снять и благословить, и отпустить в дом к детям моим, штобы водилися со мною и покоили до смерти...». Архиепископ в связи с этим отметил, что Шешуков «сам своеручно писал, знать то, что под нынешним караулом приставы содержат его [плохо], и допуск всем свободен, понеже внук его сие подал», после чего приказал продолжать его очные ставки с Мороком<sup>24</sup>.

В ноябре 1759 г. Иван Шешуков вновь предстал перед членами консистории. На этот раз на допросе «с пристрастием, под битьем плетью накрепко», речь шла о четырех письмах, найденных у Шешукова и «писанных полууставом... наименованному во оных иерею Гаврилу Яковлеву», в которых «написаны содеянные человеком грехи для покаяния, и разрешения от оных в одном от мужского, а в трех от женского пола».

Шешуков показал, что «означенные четыре писма полууставом, в которых написаны от трех женска пола грехи, в первом именем от Ксении, во втором от Капетוליны, в третьем от Евдокии, в четвертом ево, Шешукова, грехи, которые писал все он, Шешуков, своею рукою в прошлом 1758-м году, в пост Рождества Христова в построенной особой на огороде, при доме сына ево, посацкого Степана Ростовцева, избе с принесенных к нему в тое избу писем, которые приношены были по разнице, а не в одно время, в отлучность ево, Шешукова, незнаемо какими людьми, и подаваны ими были те писма в тое избу в окно прилучающейся на то время внучке ево, а показанного сына ево, Степана, десятилетней дочери именем Марине, которая в отлучность ево в той избе оставливана была, с коих он те грехи списывал полууставом для прочтения расколническому попу – ростриге Гаврилу Яковлеву, называемому Мороку, которой содержится в тюрьме, для того, что те принесенные писма писаны были неисправного писма. А кем оные писма писаны, и от кого имянно принесены и поданы были... не знает. И как в то время их не видал, так и после для взятых тех принесенных и с них им, Шешуковым, списанных писем никто к нему, Шешукову, не прихаживал, да и он, Шешуков, сам к показанному расколническому попу – ростриге Мороку оных писем не нашивал. А принесенные писма изодрал»<sup>25</sup>.

В течение полугода консисторские служители допрашивали, пытали и увещевали Мороку, но так и не получили никаких дополнительных сведений об участниках этих событий. Следствие завершилось страшным и, вместе с тем, достаточно обычным для того времени финалом – смертью узника. Сохранился рапорт рассыльщика Степана

Кремлева, отправленный в Тобольскую консисторию, в котором он сообщал, что «содержащийся... под особливим караулом скованной в ножных кандалах колодник, раскольнический лжеучитель рострига Гаврило Селменских, он же прозывался и Морок, которой под смотрением моим в карауле находился...», в ночь на 26 марта 1760 г. «в болезни здох», так и не присоединившись к официальному православию «за замерзлостию своею». «А шкарбу от него осталось: шуба баранья немного, также и зипун серой, поношенный, да войлочишко ветхой». Поскольку Морок умер «в нераскаянном своем расколническом заблуждении без обращения к церкви... и чрез то учинил себя христианского погребения недостойным», консисторские представители, архимандрит Михаил и ректор Тобольской семинарии протопоп Василий Русанович, распорядились «вывести ево простолюдинам вне града, на пустое место, и там вринуть в яму без всякого отпевания»<sup>26</sup>. Так трагично закончилась попытка ишимских крестьян-старообрядцев, многие годы укрывавших своего духовного отца Гаврилу Мороку (Морока) от военных команд, организовавших во время его розысков самосожжение в одной из потаенных лесных избышек в восьмидесяти верстах от дер. Ташаирской, наладить связь со своим томившимся в заточении учителем.

Вскоре после этого была решена и судьба Ивана Шешукова. 15 апреля 1760 г. Тобольская консистория представила архиепископу доклад с кратким изложением результатов следствия, по которому предложила, учитывая, что Шешуков «состоит уже весьма дряхлых и престарелых лет, и за тою ево дряхлостию и престарелостию никакого монастырского послушания понести ему неупователно ... к церкви святей принять ... и ... на житье отпустить в дом к детям ево с надлежащею в приеме ево роспискою...»<sup>27</sup>. Семидесятипятилетний И. Шешуков, после формального присоединения к официальной церкви и приведения в тот же день к присяге в тобольской церкви Преподобных Печерских священником Яковом Федоровым, был «сподоблен святых Христовых тайн на божественной литургии иеромонахом Аврааимом»<sup>28</sup>. А 18 апреля 1760 г. его передали под расписку «на житье к детям»<sup>28</sup>.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1750. Д. 170. Л. 195 об., 196, 198–200; Ф. 156. Оп. 1746. Д. 24; Оп. 1749. Д. 43. См. также: *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 164–190;

<sup>2</sup> См.: *Покровский Н. Н.* Крестьянский руководитель сибирских староверов-

поповцев середины XVIII в. Гаврила Морока // Вопросы истории Сибири. Томск, 1982. Вып. 2: Из истории крестьянства Сибири. С. 17–27; ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. 1746 г. Д. 24. Л. 24–36 об.

<sup>3</sup> ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1746. Д. 24. Л. 15, 22, 27–36 об.

<sup>4</sup> Там же. Оп. 1759. Д. 35. Л. 1–68.

<sup>5</sup> Там же. Л. 1–1 об.

<sup>6</sup> Там же. Л. 11–12 об.

<sup>7</sup> У И. Шешукова были найдены следующие старопечатные и рукописные книги: «Печатных [в] полдесть три псалтири – две без заглавия, и года не означено, третия печатана в 7160-м году. Святцы осмушные. Писмянных в четверть листа два канонника поминовенных за единомумершаго. Часослова два. Молитвенник. Поминальник с написанием имен, а чей – не написано. Три писма к попу Гаврилу Яковлеву о разрешении духовных падежей. Четвертый отдирок той же руки и в той же силе. Пятое письмо к Ивану Андрееву от сына Михаила. Шестое письмо, писанное ноября 30 758 году, от ямщика Никиты Резанова в приеме денег семидесяти пяти копеек» (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1759. Д. 35. Л. 2.).

<sup>8</sup> «Книжки поминовенные с прописанием в них умерших мужеска и женска пола имен и чьего имянно роду» были составлены у И. Шешукова на сто десять человек, из которых восемьдесят пять составляли мужчины и двадцать пять – женщины. Списки умерших свидетельствуют о том, что Шешуков оказывал свои услуги людям разных категорий тобольского населения, а именно: посадским (35 человек), крестьянам (13), отставным солдатам и солдатским женам (18), «служивым» (8), ямщикам (6), тобольским жителям и разночинцам (6), казакам (5), канцеляристу, старице, жене пятидесятника, трапезнику Троицкой церкви, драгунскому сыну, сыну боярскому, казачьему сотнику и служителю архиерейского дома; кроме того, неизвестно к какому званию относились еще 14 человек. (Там же. Л. 2 об. – 7 об, 30–35).

<sup>9</sup> «... в первой свяске, оберченной бумагой, и надписано на оной в такой силе: свечи Агрипины Федосовы и Татьяны, сестры ея, числом двадцать пять; во второй свечи с надписью такою: Татьяны Персневы, числом тридцать две; в третьи без надписи, числом семнадцать; в четвертой с надписию: Евдокии Никифоровой, числом четыре; огарков свещных, числом тринацать, с надписию такой: Марьи Свешниковой, Катерины Ерофеевой, числом пять. Луки Возгудина четыре. В ящичке свечь и огарков на пример фунта с полтора» (Там же. Л. 8).

<sup>10</sup> Конфискованы были иконы: «Николая Чюдотворца на цке штилистовой, образ Николаев и Преподобных Сергия и Онуфрия на цке малинкой, кипарисной, распятие медное, образ отливной, медной, Пресвятей Богоматери Казанского явления» (Там же. Л. 8–8 об.).

<sup>11</sup> Там же. Л. 12 об. – 13 об.

<sup>12</sup> Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 177, 181, 183, 190; ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1746. Д. 24. Л. 27–36.

<sup>13</sup> ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1746. Д. 24. Л. 14 об.

<sup>14</sup> Там же. Л. 16, 17, 18–18 об., 36.

<sup>15</sup> Там же. Л. 20.

- <sup>16</sup> Там же. Л. 21–21 об.  
<sup>17</sup> Там же. Л. 23, 26–26 об.  
<sup>18</sup> Там же. Л. 37, 38, 39 об.–40 об.  
<sup>19</sup> Там же. Л. 41–41 об.  
<sup>20</sup> Там же. Л. 42–53 об.  
<sup>21</sup> Там же. Л. 54–55.  
<sup>22</sup> Там же. Л. 56–57 об.  
<sup>23</sup> Там же. Л. 58–59.  
<sup>24</sup> Там же. Л. 60–60 об.  
<sup>25</sup> Там же. Л. 61–61 об.  
<sup>26</sup> Там же. Л. 62–62 об.  
<sup>27</sup> Там же. Л. 63–66.  
<sup>28</sup> Там же. Л. 66 об.–68.

Э.А. Пензин

### А.С. ЯРЦОВ – ГОРНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ

Достижения горнозаводской промышленности Урала XVIII – начала XIX вв. обеспечивались прежде всего эксплуатацией труда приписных крестьян, мастеровых и работных людей. Но, вместе с тем, успехи уральской металлургии XVIII в. в значительной степени были связаны и с людьми, стоявшими во главе горнозаводской промышленности в разные периоды ее развития: В.Н. Татищевым, В.И. де Генниным, К.Г. Клеопиным, А.С. Ярцовым, А.Ф. Дерябиным, И.Ф. Германом и др.

И если мы можем назвать целую серию исследований, посвященных деятельности В.И. Татищева и В.И. де Геннина, руководивших уральской горнозаводской промышленностью в начальный период ее становления и развития, то, в то же время, деятельность их учеников и преемников, внесших значительный вклад в развитие данной отрасли промышленности России, изучена еще явно недостаточно. Вышесказанное относится и к А.С. Ярцову, вся жизнь которого была связана с горнозаводским делом. Результаты своей деятельности на этом поприще были подведены им в уникальном как по объему, так и по хронологическим рамкам труде – «Российской горной истории...», оставшимся не опубликованным до настоящего времени.

Внимание к истории горнозаводской промышленности и к личностям, стоявшим во главе ее, вполне закономерно. Не случайно А.С. Ярцов, в начале XIX в., оценивая значение горнозаводской промышленности для экономики России, заявил, что хлебопашество и горное дело